

Он, посмеиваясь, слушал своих героев

Общая газета, 1998, — 30 июля — 5 авг. — с. 14

В Одессу из Нью-Йорка приехала 87-летняя Бэл КАУФМАН, внучка Шолом Алейхема и тоже писательница

Приехала она на праздник: дом, где жил Шолом Алейхем, наконец-то обрел мемориальную доску. Воспоминания Бэл о своем всемирно известном деду ценны уже тем, что она — последняя из родственников, его видевших и слышавших.

— Для меня и сейчас звучит его голос. Заканчивая произведение, он собирал всю семью, чтобы прочитать. Утро у него начиналось в пять часов. Стоял у пюпитра, грыз ногти и смотрел куда-то, посмеиваясь, словно слушал, что скажут герои. Он и писал так — будто разговаривал с вами. И еще, как он сам утверждал, любил работать, крепко держа меня за руку.

— Сохранили в эмиграции реликвии, связанные с дедом?

— У меня есть его письма, фотографии, где я с ним. Мне 18 месяцев, сижу у него на коленях в вышитом платьице. Это платьице он мне подарил. Мама его сохранила, и моя дочь тоже его носила. Потом пришла моя очередь хранить — для внучки. Теперь, думаю, наденет правнучка.

— Вы уже давно живете в Америке. Наверное, не Одесса, а Нью-Йорк для вас родной город...

— Я считаю родным городом Одессу. И каждый раз, когда появляется возможность, возвращаюсь к этому акациевому запаху, к этому берегу. Здесь многое для меня — память, причем самая разная. И память мышц тоже. Как-то, уже вполне солидной дамой, с редикюлем, на каблучках, я шла по идущей к морю лестнице. И моя рука произвольно потянулась вверх. Я же привыкла здесь держаться за маму. Знаете, в Одессе я очарована неторопливостью бытия. Такое нечасто в моем Нью-Йорке.

— А как вы, Бэл, попали в Америку?

— Даже в тяжелые времена к моему дедушке относились с уважением. Мама, она была писательницей, поехала к Луначарскому, тогдашнему министру культуры, и сказала: я хочу со своей двенадцатилетней дочерью и трехлетним сыном навестить свою мать — вдову Шолом Алейхема. Нам дали разрешение. Потом были вагон, Рига. Пароход. На нем тогда первый раз на гастроли в Штаты ехал со своей трупой Станиславский. Кто знает, как сло-

жилась бы судьба нашей семьи, если бы не имя дедушки.

— На вас, Бэл, с самого рождения лег ответ известности еврейского писателя. Повлиял ли на вашу судьбу антисемитизм?

— Я его всерьез не чувствовала ни здесь, ни в Америке. Скорее, я была смущена известностью Шолом Алейхема. Ведь чтобы все как-то устраивалось, мне достаточно было родиться у его дочери. Когда я написала книгу «Вверх по лестнице, бегущей вниз», ее встретили доброжелательно. Как будто дали разрешение. Слово сказали мне: «Белочка, ты тоже можешь писать». Вот и пишу. И о Шолом Алейхеме тоже. И чувствую себя очень-очень близкой к нему.

— О чем ваш последний рассказ?

— В 1915 году, за год до смерти, дед мне написал на русском (в семье мы только на нем и говорили) письмо. «Чтобы вырасти, нужно пить молоко, есть суп, овощи и меньше — конфет. Поклон твоим куклам. Твой... Шолом Алейхем, который тебя очень любит». И вот в своем рассказе я отвечаю на это его письмо через много десятков лет.

— Вам нравится писательство?

— Нет, я ленивая. И к тому же пишущая машинка не аплодирует. Люблю живое общение. Может быть, поэтому много лет и проработала учителем. Ну что может преподавать выходец из России? Конечно же, литературу — английскую и американскую.

— Вы были хорошей учительницей?

— Такой же вопрос я задала одному своему бывшему ученику. Он, уже старик, с седой бо-

родой, разыскал меня и сказал, что учился у меня в пятьдесят втором. Так вот, на мой вопрос от ответил: «О, да! Мне нравились ваши ножки». Он это запомнил. Но другая моя бывшая ученица через десятки лет рассказала мне то, что не помнила я. Однажды, когда она плакала, я подошла к ней и молча обняла. Так мы сидели с ней, обнявшись, не сказав друг другу ни слова. И это осталось в памяти. Учитель не всегда знает, с чем соприкасается.

— В вашем доме строгий учительский порядок?

— Я живу в самом центре Манхэттена, на двадцатом этаже. Как орел. И в моем гнезде повсюду — книги. На столе, на подоконнике... К этому спокойно относится мой муж. Он человек творческий, профессиональный фотохудожник, автор многих выставок, ведет на телевидении передачи о Китае. Да все его «шапки» и не перечислишь...

— Кого из писателей любил Шолом Алейхем?

— Как и все мы, он обожал Чехова. Когда мы были больны — лечили Чеховым. Когда читали плохо написанное и нужно было прочистить воздух, тоже читали Чехова. Мы знали его рассказы наизусть. У нас, в Америке, он почему-то известен как драматург. Плохо перевели его рассказы. А они гениальны.

— Что позволяет вам оставаться в такой прекрасной форме?

— Мне просто некогда стариться. Вот когда не будет что делать, я сяду на стул и быстро состарюсь. Не так давно в Москве ко мне подошла девушка и сказала, что ее мама очень хотела бы познакомиться со мной, но, наверное, не сможет, она очень старая. «Сколько же ей», — поинтересовалась я. «Пятьдесят два», — ответила она. «Но мне же куда больше», — удивилась я. «Так у нее — советские годы», — сказала собеседница...

Я до недавнего времени старалась не расставаться с велосипедом. И вообще у нас культ здоровья. Вот и Шолом Алейхем говорил: главное — здоровье, а повеситься можно и позже.